

П. Милуковъ.

Очерки по Исторіи Русской Культурѣ. т. II, ч. 2-ая. Парижъ, 1931

Надо полагать, что Очерки перерабатывались авторомъ для новаго изданія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они печатались, сперва III-й томъ, затѣмъ II-ой. Оттого, вѣроятно, II-ой томъ снабженъ заключеніемъ, подводящимъ итоги изслѣдованію развитія духовной культуры Россіи, которому посвящены оба тома, и формулирующимъ взглядъ автора на общій характеръ этого развитія—такъ что, пожалуй, II-ой томъ слѣдовало бы считать III-имъ, а III-ий — II-ымъ. Въ заключеніи, представляющемъ собою переработку соответствующаго мѣста стараго изданія, авторъ оказался вынужденнымъ распространиться о томъ, что онъ разумѣетъ подѣ культурой, — считаясь съ пущеннымъ Шпенглеромъ (хотя и не имъ впервые установленнымъ) въ общій оборотъ противоположеніемъ культуры и цивилизацій. Авторъ отмѣчаетъ, что во французской терминологіи нѣтъ термина культура, а то, что называютъ культурой нѣмцы, французы зовутъ цивилизаціей, и разъясняетъ, что и для него культура и цивилизація термины однозначущіе. Цивилизацію, въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ это слово Шпенглеръ, нельзя противопоставлять Культурѣ, ибо въ каждый историческій моментъ имѣются на лицо элементы и того и другого. Шпенглеровой антитезѣ авторъ предпочитаетъ ту, изъ которой она вышла, — Контову: антитезу «органическихъ» и «критическихъ» стадій развитія.

Однако, въ Контову формулу авторъ вкладываетъ иное, свое, содержаніе. «Критическая» стадія для него — стадія «сознательной» жизни, а переходъ къ этой стадіи равносильна для него выходу культуры изъ тѣсныхъ рамокъ религіознаго традиціонализма или, что тоже, примитивной «народности», и приобщеніе къ общечеловѣческой жизни, — что не исключаетъ сохраненія національнаго начала, напротивъ — впервые способствуетъ его раскрытію. Элементы Контовской концепціи здѣсь на лицо, но уголъ зрѣнія иной. Для Огюста Конта «критическіе» періоды были періодами болѣзни; для своихъ тезиса и антитезиса создатель культа «Гранъ Этръ» ждалъ восполненія въ синтезѣ, въ «новомъ средневѣковѣ». «Органичность» не была для него непременно «бессознательностью» — и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ прочнѣе на почвѣ исторіи, чѣмъ авторъ Очерковъ: время св. Фомы, Данте, Людовика Святого, было временемъ завершения средневѣковой системы и вмѣстѣ — ея осмысленія, торжества и «органичности» и «критичности» (въ смыслѣ, который усвоилъ этому термину П. Н. Милуковымъ). Для автора Очерковъ «критическая» стадія есть высшая и окончательная стадія національнаго развитія. Признать это ему тѣмъ легче, что, повторяю, Контовскій терминъ онъ понимаетъ иначе, нежели самъ Контъ: «критическая» стадія, согласно П. Н. Милукову, характеризуется не непременно безвѣріемъ, а отходомъ отъ традиціонной, неразумяющей вѣры. Замѣчательно тонко и глубоко про-

ведена у него, съ этой точки зрѣнія, параллель между духовной эволюціей русскаго народа и народовъ 3.-европейскихъ, — французовъ, съ одной стороны, нѣмцевъ и англосаксовъ, съ другой и показана большая въ этомъ смыслѣ сложность и трагичность русскаго развитія, обусловленная особой структурой православія и порожденными этой структурой отношеніями Общества и Церкви въ «критическій» періодъ, отношеніями которія я бы выразилъ формулой римскаго поэта: *nec sine te nec tecum vivere possum*. На практикѣ, конечно, каждый избираетъ для себя ту, либо другую точку весьма неустойчиваго равновѣсія, что неизбѣжно влечетъ за собою односторонность оцѣнокъ и сужденій, подчасъ разладъ между симпатіями и убѣжденіями, ту трагическую «критичность» (въ Контовскомъ смыслѣ), которая, по всей вѣроятности, и была главной причиною, почему русская культура въ ея цѣломъ еще не могла стать предметомъ спокойно - сочувственнаго созерцанія, а значить и объективнаго научно - художественнаго ея воссозданія — фактъ, недавно отмѣченный Г. П. Федотовымъ въ статьѣ «Россія Ключевскаго» (Совр. Зап. № 50). Но не восполняютъ - ли этого пробѣла какъ разъ «Очерки» П. Н. Милюкова, въ особенности въ ихъ новой столь значительно дополненной, редакціи?

Авторъ изъ двухъ терминовъ дилеммы *sine te* или *tecum* избралъ для себя повидимому первый. Отсюда, вѣроятно тѣ умолчанія о существеннѣйшихъ явленіяхъ въ исторіи духовнаго развитія Россіи, которія были мною отмѣчены въ рецензіи на 1-ую часть II-го тома Очерковъ («Числа», № 5). Но самое главное — не въ этомъ, а въ томъ, что установка автора, характеризующаяся отри-

цательнымъ по существу признакомъ, тѣмъ самымъ до крайности обѣдняетъ схему, опредѣлившуюся усвоенной имъ періодизаціей: «критическій» періодъ оказывается періодомъ, котораго главный признакъ только тотъ, что изъ жизни нѣчто выпало. Это — періодъ вступленія Россіи въ стадію «европейскаго» (т. е. общечеловѣческаго), т. е. сознательнаго, а значить и «національнаго» развитія. Но въ чемъ же національная сторона русской міровой культуры? Характерны неопредѣленность сужденій и колебанія автора всякій разъ, когда ему приходится касаться этого вопроса. Такъ напр., въ музыкѣ Чайковскаго «національнымъ» оказывается «элементъ» непосредственности чувства и искренности его выраженія» (II, 623), а въ живописи Гончаровой — мотивы лубка (ив. 557) — между тѣмъ какъ, вообще говоря, авторъ, повторяю, разграничиваетъ «простонародное» и «національное».

Такая схема очевидно не годится для того, чтобы можно было уложить въ нее явленія, принадлежащія къ различнымъ жизненнымъ сферамъ, такъ, чтобы представить ихъ какъ показателей одного и того же жизненнаго процесса. Историки культуры — уже давно (Мишле, Гизо, Буркхардъ, Тэнъ), усвоили себѣ точку зрѣнія, легшую недавно въ основу того, что, въ искусствѣ, получило названіе экспрессионизма — кстати сказать, прекрасно охарактеризованнаго авторомъ въ главахъ о живописи и о музыкѣ: внѣшнее есть выраженіе внутренняго. Поэтому они историческія явленія группируютъ, для ихъ описанія, не по отдѣльнымъ сферамъ дѣятельности, а по отдѣльнымъ моментамъ общаго духовнаго развитія. Для историка культуры исторіи конституцій, музыкальныхъ ладовъ, желѣзныхъ дорогъ, стихосложенія,

церковныхъ догматовъ и т. д. — суть только подготовительныя исторіи, причѣмъ очень многое, для историка - спеціалиста являющееся весьма важнымъ — поскольку онъ смѣну явленій въ изучаемой имъ сферѣ пытается представить какъ сплошной и замкнутый въ себѣ эволюціонный рядъ, — историкомъ культуры нерѣдко просто отбрасывается. То что далъ авторъ Очерковъ, это скорѣе рядъ такихъ специальныхъ исторій, написанныхъ съ исключительной компетентностью, съ исчерпывающей полнотой*), изобилующихъ великолѣпными по тонкости, мѣткости, проникновенности характеристиками**); но эти отдѣльныя исторіи такъ и остаются отдѣльными исторіями, исторіями процессовъ развитія отдѣльныхъ жизненныхъ сферъ, меж-

*) Есть, впрочемъ, исключенія. Въ отдѣлѣ о пластическомъ искусствѣ авторъ обошелъ молчаніемъ скульптуру. Русская скульптура, правда, не богата, но все-же существуетъ. Въ отдѣлѣ о школѣ слишкомъ ужъ мало сказано о Московскомъ благор. пансіонѣ (Здѣсь я ограничиваюсь только отчетной частью «Очерковъ»).

**) Нерѣдко — путемъ сближеній, напримѣръ, Венеціанова съ Карамзинымъ, Перова съ Некрасовымъ, Врубеля со Скрябинымъ. Менѣе удачно сближеніе Брюллова съ Державинымъ: «Подобно пѣвцу Фелицы, онъ старался вдохнуть жизнь въ отжившія классическія формы; но, продолжая пользоваться этими самыми формами, онъ такъ же быстро устарѣлъ вмѣстѣ съ ними» (II, 519). Державинъ меньше всего думалъ объ оживленіи старыхъ формъ. Онъ просто пользовался ими, зачастую ломая ихъ, когда ему приходилось въ нихъ тѣсно. «Устарѣлъ» онъ не въ силу того, что, подчинивъ себя устарѣвшимъ формамъ, не смогъ развернуть своего генія, а просто въ силу того, что читатели, поработанные школьной теоріей словесности, за «формами» долгое время не умѣли видѣть и цѣнить генія Державина.

ду которыми общаго только то, что каждый изъ нихъ проходитъ стадіи отрыва отъ церковной опеки, секуляризаціи, подражанія Европѣ, затѣмъ самостоятельности и даже вліянія на Европу. Но это вѣдь признаки чисто формальные, годные для нѣкоторой социологической схемы, а отнюдь не для построения исторіи данной національной культуры. По счастью, чутье историка нерѣдко беретъ у автора верхъ надъ его собственными схемами и наводитъ его на рядъ сближеній несравненно болѣе содержательныхъ и углубленныхъ, являющихся уже элементами настоящей исторіи культуры. Авторъ самъ признаетъ, что «такъ велика связанность различныхъ сторонъ челоѣческаго духа, что стадіи, пройденныя послѣдними поколѣніями въ литературѣ и въ живописи, оказались тѣми же самыми, черезъ которыя прошла и новѣйшая музыка» (II, 645); — а его характеристики Моцарта, Гайдна, Бетховена свидѣтельствуютъ, что эту «связанность» онъ понимаетъ еще гораздо шире, — какъ всякій историкъ культуры.

Къ исторической наукѣ можно примѣнить то, что говоритъ авторъ о музыкѣ (на мой взглядъ — самый, во всѣхъ отношеніяхъ удачный отдѣлъ книги), — а именно, о смѣнѣ «горизонтальнаго письма» (контрапунктъ) «вертикальнымъ» (гармонія). Сперва музыкальное произведеніе — это рядъ параллельно движущихся голосовъ. Затѣмъ — это одинъ голосъ, одна мелодія, поддерживаемая гармоніей, все болѣе и болѣе обогащающейся и разнообразящейся, — нить, на которой висятъ гроздья аккордовъ, согласно на рѣдкость удачной метафорѣ автора. Вотъ «Очерки» и представляются мнѣ нѣкоей полифонической сюитой, при всѣхъ ея достоинствахъ все же возбуждающей въ насъ чувство сожалѣнія.

что авторъ не написалъ вмѣсто нея болѣе соотвѣтствующей нынѣшнему вкусу тщательно гармонизованной сонаты. Вернемся еще разъ къ заключительной части II-го тома. Она открывается краткой полемикой автора съ тѣми, кто по нятію «духовнаго» придаетъ «значеніе абсолютнаго начала, выводящаго изслѣдователя за предѣлы познаваемаго міра.» Противъ такого ограниченія задачи не станетъ возражать ни одинъ историкъ. Не столь безусловно, однако, можно послѣдовать за авторомъ въ дальнѣйшемъ ея ограниченіи: «Изучая, далѣе духовную сторону культуры **русскаго народа**, говорить онъ, мы не имѣемъ претензіи опредѣлять сущность русской «народной души». Какъ и въ другихъ томахъ Очерковъ, мы описываемъ здѣсь явленія, въ которыхъ общечеловѣческое и типически - русское очень тѣсно связано. Всѣ попытки раздѣлить ихъ до сихъ поръ кончались неудачей, ибо, прежде всего не опирались на строго научный методъ, до сихъ поръ еще и не найденный для такого рода изслѣдованія. Мы охотно признаемъ, что и намъ эта задача была бы не подъ силу».

Разъ можно въ историческихъ явленіяхъ усмотрѣть наличность и «европейскаго» и «типически русскаго», то, какъ бы тѣсно ни было связано одно съ другимъ, очевидно, наблюдающій уже раздѣлил ихъ, а значитъ нашелъ и методъ для этого, — тотъ методъ, какимъ вообще мы руководствуемся — пусть и безсознательно — для распознаванія какой либо индивидуальности; т. е. методъ сравненія. Самъ же авторъ и примѣняетъ его, сравнивая напр. структуры различныхъ вѣръ и опредѣляемые ими формы отношенія религіи къ другимъ сторонамъ жизни. Это подводитъ насъ къ другой сторонѣ проблемы. «Народ-

ная душа» для историка не существуетъ какъ нѣкая метафизическая величина, лежащая за явленіями. Она есть **сами эти явленія**, но не какъ нѣкая сумма ихъ, ни какъ совокупность рядовъ явленій. Ея индивидуальность, для историка, исчерпывается ея — вѣчно измѣняющейся — **структурой**, опредѣляемой соотношеніями, въ каждый данный историческій моментъ, всѣхъ жизненныхъ сферъ. Структура эта — или, что то же, **жизненный стиль** даннаго народа въ данный моментъ его жизни, служитъ показателемъ не «абсолютнаго начала», не вѣчно тождественной себѣ «народной души», о чемъ, авторъ правъ — никто ничего толкомъ не знаетъ, но господствующихъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время тенденцій, того, что уже давно историки культуры разумѣютъ подъ «духомъ» (*esprit, Geist*) даннаго народа и даннаго момента. Такъ понимаемый «духъ» не есть ни мнимая, ни ускользающая отъ наблюденія, т. е. все равно что мнимая, величина. Напротивъ, она - то и есть истинный объектъ научнаго изслѣдованія. Мы видѣли, что авторъ то и дѣло подходитъ къ ней и подчасъ очень близко.

II. Биццлли.

А. Купринъ, Юнкера. Изд. «Возрожденіе» 1932.

Новый романъ А. Куприна посвященъ быту московскихъ военно - учебныхъ заведеній эпохи Александра III. — вѣрнѣе, — московскаго Александровскаго военнаго училища, въ которомъ въ свое время учился и самъ А. Купринъ. Путнотно показанъ московскій бытъ того времени. Картины московской жизни перенданы съ удивительнымъ мастерствомъ и яркостью. Балъ въ Маріинскомъ Институтѣ; дачная жизнь; катанье на